

Мария Буркова

*Несказка
о звёздном
мальчике*

Рыцарский роман



Мария Буркова

**Несказка о звёздном
мальчике. Рыцарский роман**

«Издательские решения»

Буркова М. О.

Несказка о звёздном мальчике. Рыцарский роман /
М. О. Буркова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850821-9

Через 5 лет все герои прославленного фильма «Сказка о звёздном мальчике» выросли. О том, что случилось с каждым из них — рассказывает эта добрая и милая повесть.

ISBN 978-5-44-850821-9

© Буркова М. О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Гранд	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Несказка о звёздном мальчике Рыцарский роман

Мария Олеговна Буркова

© Мария Олеговна Буркова, 2017

ISBN 978-5-4485-0821-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Гранд

*«Три дороги, лютый зверь, Предсказателям не верь,
Если дверь тебе закрыли – бей тараном в эту дверь!
Не умеешь – не берись,
Не умеешь – но дерись,
Ни обрыва, ни ухаба – ничего не сторонись!»*
Алькор



Глава 1

– Барин, прости меня, но придётся тебя тревожить – Великий Инквизитор до тебя выдвинулся! – запыхавшись, вещал Педро и уже торопливо вваливался в камеру. – Он явно не один, так что дело дрянь, видать! – тучная фигура тюремщика, умевшего, когда надо, ни разу не звякнуть ключами, проворно нависла над лежащим юношей. – Скорее, барин, мне ещё твоё ложе надо спрятать успеть.

Эстрелладо быстро поднялся на ноги и молча кивнул. Со сна оставаться в одной рубашке было очень неприятно, но подводить никого из тюремщиков он не желал. Они и так немало старались для того, чтоб максимально облегчить его участь, ежечасно рискуя попасть под внимание не только королевских шпионов. Причём по собственному желанию, чем немало удивили новопожалованного гранда, не успевшего и часу пробыть на свободе в новом статусе. Когда стражники волокли его две недели назад по каменным ступеням, молодой воин плохо отдавал себе отчёт в реальности происходящего и не мог отметить два важнейших обстоятельства – несмотря на серьёзность обвинения и тот факт, что аристократ он всего лишь несколько минут от оглашения указа до ареста, прикасаться к нему руками, да ещё столь ощутимо, солдатня права не имела, да и выполняли они столь буквально приказ явно потому, что являлись скорее людьми де Солера, чем короля... Это путешествие в каменный мешок было похоже на нырок в камнедробилку – столь аккуратно и методично его избивали на всём пути, так, что не оставалось времени и сил даже закричать, такие опытные оказались кадры на службе у приятеля инфанты. Да и была ли санкция на то, что с ним потом делали уже в камере – тоже очень серьёзный вопрос... Хотя формально можно было шуметь, требовать прокурора, чтоб зафиксировал раны и жаловаться дальше согласно протоколу – слишком хорошо было понятно, что толку не будет, всё припишут якобы имевшему быть сопротивлению при аресте. Когда же, наконец, всё-таки довелось потерять сознание от боли, повиснув на цепях уже ни на что не годным хламом, этих мастеров заплочных дел уже и след простыл вскоре. Странно было лишь то, что его не покалечили – значит, или обвинение будет снято, или впереди казнь. Но раны от шипов на запястьях так и не зажили полностью, несмотря на то, что кормёжку тюремщики таскали совсем не ту, что было приказано. Да и вообще обращались с узником, явно не согласуясь с полученными указаниями, иначе бы от него осталось бы уже обессиленное тело, не способное мыслить и чувствовать.

Какую же надо вызывать у людей ненависть, чтоб бессердечные по своей природе тюремщики по собственному желанию вели себя таким образом, мозг Эстрелладо отказывался понимать. Он всего лишь отказался от руки инфанты, и только. То, что это сподвигнет этих людей натуральным образом нянчиться с ним, не только манкируя положение о двенадцатичасовом пребывании в оковах на растяжке, но ещё и таскать сюда вполне сносную походную постель по собственному почину, а также еду явно из самого дорогого трактира в городе – не могло быть придумано самым воспалённым воображением. И всё же оно было так – он, всегда в глубине души презиравший чернь, сейчас был обласкан ею до таких немыслимых пределов, и за поступок, который никакого вроде бы отношения к ней не имел. Когда Педро ловко и аккуратно поместил тело на растяжку, Эстрелладо отметил, что положенных изнутри шипов в наручниках нет в помине... Совсем не мелочь, и если кто узнает и донесёт, не поздороится всем троим сменщикам – но отчего-то их это не смутило, видать, раз сделали это молча. Да и за то, что у него не стали отнимать платье – куртку порвали те, кто приволокли его сюда – молодой человек был искренне благодарен этим простолюдинам. Они, в самом деле, ещё и жалели, что больше ничем не могут помочь – и даже не мешали ему горевать о погибшей матери, не приставая без устали с болтовнёй и уверениями, что всё наладится.

– Значит так, барин, ты вроде как уже пять часов пристёгнут, – торопливым шёпотом вещал в ухо Педро, – потому если эта хитрая лиса вздумает тебя отцепить, сумей сделать вид, то ты уже деревянный, понял? А то ходят слухи, что нас всех троих желают заменить на людей де Солера, не иначе как тебя со свету сжить хотят, учти! И что там твои соратники делают, пока ты тут прохлаждаешься, ума не приложу, вот лоботрясы!

Эстрелладо охотно хлопнул ресницами в знак согласия и прикрыл глаза – за дверью уже раздавался звук шагов, и шептаться было опасно, Педро поспешно отскочил к факелу на стене, будто затем, чтоб заставить его светить ярче в присутствии высокого гостя. Дверь с натужным скрипом начала открываться – постепенно... Вот же хитрецы тюремщики, когда они сами заходят в камеру, дверь вообще почти не слышно, успел удивиться молодой человек про себя. Великий Инквизитор шагнул внутрь отчего-то в одиночестве, видимо, оставив сопровождавшего в коридоре. Педро подкатился к его высоченной фигуре – потолок едва позволял тому стоять во весь рост здесь – подобострастным колобком и плюхнулся на колени, подставив голову для благословения и почтительно сложив ладони горстями. Узник не стал открывать глаз и смотреть на это – он действительно чувствовал себя все эти дни столь дурно, несмотря на все выгоды своего пребывания в заключении, что уже проникся натуральным равнодушием к происходящему. Невозможность дышать ночным воздухом, смотреть на звёзды и видеть полуденное солнце и цветы сделала своё чёрное дело – лишив Эстрелладо этой важной для него вещи, враги действительно смогли до известной степени растоптать его морально. И ему сейчас было безразлично, что гость мог это заметить, хоть они никогда не были врагами, их отношения были всегда столь официальными, что и говорить об их существовании вообще было сложно. Скорее всего, просто наступило время инспектировать тюрьмы, и лишь поэтому эта встреча и смогла здесь состояться.

Великий Инквизитор молча сделал нужные жесты над Педро и выставил его вон, всё так же молча повелев закрыть дверь. Затем не торопясь особо шагнул к тому, кого он видел перед собой. Если не считать того, что за пять лет, прошедших с их последней заметной встречи, Эстрелладо вымахал в высоту и ширину так, что вполне достиг габаритов взрослого латника, изменилось мало. Но сумел за эти пять лет бывший тринадцатилетний ребёнок немало – и ревновать тут было к чему, собрать исключительно на своём обаянии целую гвардию в какие-то несчастные восемнадцать, целых четыре роты, что ещё и уцелели в битве почти в полном составе, суметь возглавить армию после гибели командующего, выиграть не только решающую битву, но фактически уже целую войну, построить серию пограничных крепостей... За одно это желающих ненавидеть нынешнего круглого сироту, никогда не знавшего своего отца, было кому и не только при дворе. Возможно, оценив почти ангельскую внешность белокурого красавца с аристократическим прищуром и точёными чертами лица – такого породистого экземпляра было трудно сыскать, а то и невозможно, при лучших дворах Европы, король и принял решение улучшить собственную породу, а интриги инфанты и её поклонников – просто фон для несчастья этого Звёздного Мальчика. Кто ж знал, что он окажется настолько непредсказуем и горяч, что откажется столь резко от пожалованной ему милости – эх, не научили парня быть гибким, некому было учить... Да и сообщение о смерти матери, что таскалась десять лет в поисках ребёночка – который с бессердечным высокомерием избалованного подростка поначалу просто высмеял её, не отвергая, не зная, что за ошибку совершает – ну никак не помощь в столь уже запутанном деле. И то хорошо, что ординарец-горбун оказался столь хитёр, что скрыл полученное известие от своего господина – страна оказалась спасена, иначе бы вести в бой армию было некому. Но дальше уже была неизбежность – в виде короля, что сам решил встретить победителя вместе с его воинами, да в виде цыганки, что прилюдно рассказала, как люди де Солера отказали в помощи больной бабе, которой вдруг стало плохо на улице. Как же бедолагу аккуратно развели придворные крючкотворы на истерику – что ж он сам, бедняга, не справился с этим дежурным коварством, видать, даже у него, неземного,

на Земле ресурс конечен. Великий Инквизитор очень жалел, что его не было в столице в эти дни – иначе бы просто не позволил своим присутствием случиться такому беспределу. Пожалуй, о звёздном происхождении Эстрелладо все уже забыли за эти пять лет, да и знали немногие, а подлая цыганка снова куда-то исчезла, даже не подстрекает никого на улицах идти освобождать парня – а могла бы вполне, у неё бы это хорошо получилось. Мальчик был достаточно умён, чтоб лично прекратить все возможные толки о себе и звёздах – и, как свидетельствовал тамошний кюре, сам утопил в реке все хрустальные ожерелья, которые передавали на небо информацию о происходящем. Теперь и кюре этого нет уже, а кто духовник у молодого? Бог весть.

Инквизитор тихо приблизился вплотную к растянутому на цепях телу, быстро припечатал серебряным крестом чуть раскрытые покусанные губы и торопливо взялся читать разрешительную молитву, как будто уже выслушал и принял исповедь. Эстрелладо медленно открыл глаза, и его обычный полыхающий в них огонь проявился лишь на крохотную долю секунды, сменившись ровным, ничего не значащим вовсе выражением. Так смотрят те, кто уже ничего хорошего не ждёт от происходящего и предоставляет окружающим полную власть над собой, будучи не в силах сделать что-либо самостоятельно. Однако, когда гость закончил, молодой человек произнёс хоть и очень тихо, но внятно настолько, что можно было сделать вывод, что он вполне владеет собой: – Спасибо Вам, отец. Вы слишком добры ко мне.

Отчего-то такого короткого ответа инквизитор ожидал меньше всего – возможно, привыкнув доверять слухам о слишком крутом нраве и темпераменте нынешнего подопечного, а возможно, просто в результате пробуждения своей настоящей натуры – и его старания освободить от пытки юношу были слишком поспешными. Да и притворяться Эстрелладо вовсе не пришлось – боль была самая, что ни на есть настоящая, а холод подземелья вместе с незажившими ранами, полученными при аресте, угнетали его сильно и всерьёз. Оттого под тёплым плащом гостя он дрожал натуральной дрожью человека, близкого к лихорадке, а фляжке с крепким питьём был рад не меньше, чем лучу солнца, который посещал окно под потолком в три часа пополудни ровно на десять минут.

– Кто твой дознаватель? – вполне официальный вопрос был задан столь участливым тоном, с настоящими отеческими интонациями, что молодой человек почувствовал себя ещё хуже. – Я его ещё не видел, – почти прошептал он, покачав головой. – Не знаю. – Как это, тебя пытаются без допроса, получается? – даже в полумраке камеры было заметно, как нахмурился Великий Инквизитор – а это ничего хорошего обычно не означало для тех, по чьему адресу он темнел. – Мне очень досталось по прибытии сюда. Вот и всё, пожалуй, – Эстрелладо говорил без всякого выражения, не шевелясь, и это явно не нравилось гостю. – Мне сказали, что ты должен оставаться в том виде, что я тебя застал, свыше восьми часов. Ты знаешь, что больше четырёх нельзя? – Нет, я не изучал эти вещи на свободе.

– Тогда слушай. То, что происходит – противозаконно, и я не намерен это так оставлять. Но пока я буду с этим разбираться, тебя могут здесь прикончить, желающих, чтоб ты не вышел отсюда живым, при дворе хватает. Нужно перевести тебя под опеку церковного суда – там тебя не достанут, и можно будет решить твоё дело спокойно. Будешь сидеть у меня в саду на террасе, пока адвокаты будут заниматься всем, чем положено. Понимаешь меня?

– Вы что такое говорите, отец? – Эстрелладо воззрился на своего благодетеля широко раскрытыми от ужаса глазами. – Ради пары недель в саду я должен лгать, будто я вероотступник? Это же Иудин грех, ему нет прощения! Довольно и того, что я погубил своей чёрствостью собственную мать – она подорвала здоровье окончательно по моей вине, так не за то ли мне сейчас это приключение? – Молчи, глупый мальчишка, дело серьёзнее, чем ты себе вообразил! – сурово прервал гость. – Как раз тот факт, что тебе поздно сообщили о смерти матери, нам на руку – объявим о том, что у тебя в голове от горя помутилось, а позже скажем, что ты выздоровел в монастыре, и вся недолга. Тебя уморят здесь прежде, чем удастся снять с тебя

обвинение в оскорблении Их Величеств – а под нашей опекой дело закроют сразу. У тебя слишком могущественные враги, они не допустят, чтоб ты вышел живым отсюда, а я не могу допустить, чтоб после твоей гибели в стране началась дикая смута и резня.

– Кто мои враги, если меня здесь никто не беспокоит – только Вы и пришли сегодня? – с огромным удивлением проговорил узник, явно не до конца понимая смысл сказанного.

– Для начала – Её Высочество, причём ты ухитрился сделать её врагом дважды, пять лет назад и нынче. Это уже взрослая фурия, и опаснее её сейчас сложно что-либо даже придумать. Она не одна, у неё целая куча прихлебателей и поклонников, которые каждый в отдельности чего-то да стоят – во всяком случае, отравить тебя или зарезать неугодного для них не вопрос. – Она ведь женщина, – недоверчиво улыбнулся юноша. – Вы всерьёз полагаете, что она способна на такие злодейства? Она же будущая мать, всё же... – Слушай, кому её лучше знать – мне или тебе, а? – Инквизитор заметил, что сам немало удивляется услышанному. – Ты ещё слишком неискущён, чтоб знать, на что способна избалованная властью эгоистка, полагающая себя оскорблённой – поверь тем, кто в этом разбирается. Мало того, что она затаила злобу с детства, полагая, что её высекли из-за тебя, а не по её вине, так ты ещё при всей державе посмел отвергнуть её руку – такого оскорбления не спустит ни одна принцесса в мире, сколь бы ни был ты ей на деле безразличен. Но дело ещё хуже – ты ей вовсе не безразличен, имей это в виду.

– Она что, меня любит, это Вы хотите сказать? – Эстрелладо шарахнулся, как испуганный конь.

– Она тебя хочет, парень, а это гораздо хуже, гораздо. Она из тех зверёнышей, что предпочитает разорвать в клочки то, что ей нравится, лишь бы другому не досталось. А ты её привлекаешь как раз тем, что не достался, и уже не раз, – он с интересом смотрел на юношу, до которого как будто не доходили эти слова.

– Такая молодая и красивая – и такая злобная, с чего бы? – недоверчиво пожал плечами узник. – Уж не преувеличение ли это? У неё такой добрый отец... Думаю, они оба со временем успокоятся и поймут меня, всё же. Скажите им, что я готов извиниться – может, этого будет достаточно.

– О, ты точно свалился с неба, теперь в этом нет никаких сомнений! – Великий Инквизитор понял, что до сих пор может быть подвержен эмоциям... – Да пойми же, что тебе нужно согласиться на то, что я предлагаю – иначе сам король, возникни у него вдруг такое желание, не сможет достать тебя отсюда живым! Есть куча способов прикончить тебя – и тьма желающих поквитаться с тобой за твои успехи, заканчивая шпионами сопредельных государств, которым выгодна гражданская война в случае твоей смерти, и начиная с де Солера, что спит и видит твой истерзанный труп, потому что просто ревнует к тебе инфанту!

Эстрелладо задумался на несколько минут, затем произнёс сокрушённым тоном: – Поймите правильно, отец, я не смогу это сделать. У меня не получится – сказать это. Простите меня.

Вместо ответа гость крепко обнял юношу, затем прижал его голову к своей груди. Его плечи предательски задрожали от этих действий, и он процедил сквозь зубы несколько выражений, вовсе не подходящих духовному лицу, а скорее уместных где-нибудь в кабацкой драке. – Глупец, несносный мальчонка, я слишком стар и хитёр, чтоб мои молитвы могли помочь тебе, – едва слышно бормотал солидный мужчина, не зная, что ему делать с накатившими на глаза слезами. – А девчонки, что любит и ждёт тебя хоть из пекла, у тебя нет – так что шансов у тебя при таком раскладе никаких не наблюдается. Друзья же в таких делах либо бесполезны, либо всегда солидно опаздывают. Молись тогда сам – может, так оно будет вернее, чтоб случилось чудо, а то я сам не особо уже верю в чудеса, не то нынче время и место для них уже!

– Господь благ и человеколюбец, отец, он не допустит того, чему не должно быть, – тихо сказал Эстрелладо, и Инквизитор мгновенно успокоился, поскольку в этот момент у него в голове возникла ещё одна интересная комбинация...

– Ты уверен? – с интересом произнёс он, полностью отстранившись и даже сложив руки на груди.

Сейчас Инквизитор напоминал не то довольного мартовского кота, не то глумливую пародию на самого себя, во всяком случае те, кто его знал чуть лучше собеседника, поняли бы, что от такого высокомерного выражения ждать хорошего трудно... Но Эстрелладо был слишком заторможен, чтоб догадаться об этом сам, и лишь спокойно кивнул в ответ на эти слова. – А я вот – нет, – с апломбом безжалостного циника проговорил Инквизитор, назидательно подняв кверху указательный палец. – Интересные шахматы, верно?

– Я только в карты умею, – тоном школьника, не выучившего урок, проронил узник, потупившись.

– И очень плохо, – тем же тоном, но уже с некоторой издёвкой произнёс собеседник. – В карты лучше всех играет начальник преисподней, он и выигрывает всегда. Если останешься жив, в чём я лично очень сомневаюсь, не пачкайся об это занятие – погубишь не только себя, но и всех, кто с тобой, понял?

Эстрелладо покорно кивнул, скорее из вежливости, чем понимая на самом деле сказанное. – Мне пора, – холодно бросил Инквизитор, отворачиваясь и неторопливо делая шаг к двери. – Плащ я оставлю тебе, здесь и так слишком неуютно дожидаться того, что ждёт тебя, – он как будто случайно помедлил у двери, будто сам чего-то упорно дожидаясь.

– Спасибо Вам, отец, – тем же тоном проговорил Эстрелладо, не шевелясь. – Простите меня. – Не за что покуда, – тоном весёлого забияки обронил как будто помолодевший даже лет на десять гость и совершенно невозмутимо вышел прочь.

Эстрелладо почувствовал резкую, непреодолимую слабость – в голове всё поплыло, перед глазами и вовсе обозначился белесый густой туман, и он сам не заметил, как опрокинулся на бок и провалился в тяжёлое забытие прямо на каменном полу. Он и после не ощущал, как Педро уложил его на постель прямо в плаще гостя и тщательно закутал одеялом сверху. Честный тюремщик был очень рад полученным золотым монетам, а того больше – приказу больше ни под каким видом не укладывать узника на растяжку, не говоря уже о чём-то другом в этом роде, а в случае чего непредвиденного – сообщать теперь куда и кому следует. Он раздумывал своим затвердевшим за годы профессиональной деятельности умом, что могло значить то, что ему удалось подсмотреть нынче, ведь профессиональное чутьё упорно диктовало, что об этом не следует распространяться вовсе никому. Великий Инквизитор вышел из камеры походкой полководца, только что одержавшего блистательную победу, весело размахивая чётками над пальцами, и проворчал в пустоту, ни к кому не обращаясь: – Е восемь, господин Пилат, нам ещё нужны такие мальчишки, верно? Так подсуетитесь уже!

Глава 2

– Ваше Высочество, не извольте сумлеваться, всё сделано в наилучшем виде, в готовом к употреблению Вами, о несравненная! – подобострастный голосочек Санчо отдавал насмешливой ехидцей, и уж не приходилось сомневаться, что он сумел извлечь из своих слов и действий максимальную выгоду. – Если желаете, за небольшую приплату я могу организовать Вам встречу с этим арестантом в помещении с повышенным комфортом или просто улучшить обстановку этой камеры на нужное Вам количество времени – и Вы можете быть уверены, что до означенного час Вас никто не побеспокоит! Кроме того...

– Заткнись, негодяй! – хладнокровие инфанты тоже имело свои пределы... – Мне вовсе не нужны твои дополнительные услуги и реклама твоей корпорации. Тебе оплатили заказ – изволь быть доволен!

– Принцесса, я не просто разнорабочий и тюремщик, но ещё и палач, по основной специальности, к Вашему сведению, – холодный тон простолюдина стал мгновенно столь великосветским, что не приходилось завидовать тому, в чьи глаза сейчас смотрит этот прохиндей. – А сколь высоко ценят свою жизнь и шкуру палачи – Вам известно, так вот я из тех, кому на неё совсем плевать, у меня есть другие интересы. Таким образом, в Ваших интересах сейчас не разочаровывать меня, дабы не нужная Вашей репутации информация не понеслась сейчас над нашими головами со скоростью, превышающей скорость звука в вечернем небе. Понимаете? Кроме того, будучи идеалистом, я не очень ценю золото – когда его мне хватает, а мне его хватает на моей работе с моим отношением к жизни, Вы это понимаете, и оттого оплата за качество моих услуг – о том, что оно высокое, я только что пытался Вас уведомить, но Вы меня прервали – оттого оплата будет иного рода, но более приемлемая для клиента, чем он сам может подумать поначалу. Вот так, – за дверью громко стукнули каблуки, должно быть, Санчо доказал, что умеет разводить политесы не хуже настоящих благородий...

– Ну что за нахал, просто диво какое-то, – по всей видимости, инфанта не только побелела от гнева, но уже начала раздумывать всерьёз, не перекупить ли ей такого ушлого кадра для себя, и заговорила нарочито холодно и спокойно. – В таком случае изволь сообщить, чего ты хочешь и за что конкретно.

– В данный момент, Ваше Высочество, есть все основания предполагать, что из-за известного нам с Вами арестанта идёт хороший торг где надо, верно? – с добродушием прожженного циника продолжил заливать Санчо. – Вы бы могли хорошо нагреть свои очаровательные ручки на этой сделке, а заодно и кинуть мне просимую мной подачку, даже не заметив этого. Я даже не возьму платы за этот совет, если Вы согласитесь.

– Тысяча чертей и сломанная палуба флагманского брига! – совсем не по-женски взвыла наследница престола, очевидно, вне себя от изумления. – Так ты не ручку поцеловать мне хочешь, стало быть, дьяволёнок?! Ну, тогда выкладывай свои карты, мне уже даже интересно.

– Ну что Вы, Ваше Высочество, как я могу дерзать помыслить о такой милости, да и зачем она мне нужна? – Санчо усмехнулся уже нарочито глумливо, и Эстрелладо похолодел – этот разговор уже давно перешёл все возможные рамки дозволенного, и к каким последствиям он мог привести, было страшно даже подумать... – Я идеалист, и не приемлю несправедливости нашего грешного подлунного мира, – тут он ещё и слащаво вздохнул, явно издеваясь над собой, – оттого и выбрал именно эту профессию из множества других вариантов. Вместе с тем я привык также учитывать интересы и других людей в тех комбинациях, каковые мне выпадает наблюдать. Таким образом, общая выгода, и громадная, может состояться, если Вы, о несравненная, прекрасная и столь же мудрая, просто публично попросите короля о снисхождении к герою, что спас страну от пожирания иноземцами – этак Вы приобретёте любовь всех простолюдинов в королевстве, и восхищение сильных мира сего. Тогда в дерьме, простите за

выражение, будет уже не августейшая семья, отплатившая за честную службу чёрной неблагодарностью в итоге, а сам недотёпа победитель, не сумевший разглядеть своего счастья. А я буду счастлив от того, что всё прекрасно закончится – ведь Вы после этого сможете выбрать жениха себе по вкусу, даже не оглядываясь на мнение отца, слишком серьёзна будет услуга, которую Вы ему таким жестом окажете.

– Уж не сделал ли тебя походя королевский шут, коль скоро ты настолько лезешь не в своё дело? – задумчиво произнесла принцесса ледяным тоном. – Предположим, я по какой-то причине не делаю этого шага, или он не имеет успеха – и что тогда мы выиграем, черепки?

– Если Вы не делаете ничего – всё летит к чёрту, но страдают Ваши интересы, не мои. Моя работа нужна везде и всегда, особенно во времена смут, резни и захвата страны соседями. Скоро произойдёт взрыв из-за инцидента с арестом известного нам новопожалованного гранда, это недовольство сметёт либо трон, либо монаршую семью. Вы можете оказаться даже крайней – скажут, к примеру, что без согласия любимой дочери король не стал бы предлагать её руку герою, а стало быть, скандал на её совести. Если Вы делаете такой шаг – то просто получаете возможность занять трон быстрее обычного вместе с тем кабальеро, который Вам понравится, ведь всех собак свешают на венценосца, допустившего такую глупость – бросить в подземелье того, за кем пошла в бой целая нация, – голос Санчо напоминал сейчас интонациями скорее прожженного придворного, чем простолюдина. – Поверьте, Ваше Высочество, ситуация более чем напряжённая, толпы народа, требующего освободить узника, можно организовать уже за считанные часы. Разумеется, в этом случае народ получит только тело – и озвереет сразу так, что Варфоломеевская ночь в Париже покажется пустой безделицей, здесь кровь горячее и амбиции круче. И кто бы ни возглавил эту кашу – не будучи королевской крови, на троне он не усидит, соседи не дадут, Вы это лучше меня знаете. Что же касается моего происхождения, о котором Вы изволили осведомиться, то я действительно происхожу от кое-кого в шпорах и при шпаге, но это сейчас совсем неинтересно, мне думается.

– Ну, если ты столь умён, то должен тогда понимать, что я не могу тебе пообещать сделать то, что ты мне предлагаешь – хотя это не означает, что я вообще это не сделаю, – к инфанте вернулось её прежнее высокомерное жеманство. – Причина же в том, что я сама ещё не знаю, как будет вести себя в этой опере наш непредсказуемый герой – за этим я и здесь, так что засунь свои грязные намёки себе поглубже, понял?

– Ах, принцесса, разве одно обязано исключать другое? – слащавейшим тоном парировал Санчо. – Лучшие слуги – бывшие враги, обласканные женщиной, разве не так?

– Тебе не кажется, что ты уже слишком болтлив? Женщина имеет большее право совершать глупости – например, прикончить того, кто ей не нравится, верно? – вернулось также и недовольство...

– А будущая королева не имеет права на ошибку, верно? – прошелестел Санчо уже почти-точно и гораздо тише. – Особенно, если она – самодержица...

– Хорошо, ставки сделаны. Пропусти уже меня к этому анти-Парису, а там будет видно, – холодно усмехнулась инфанта, и из-за двери донёсся резкий щелчок веера.

– Извольте, Ваше Высочество, извольте, сей момент, буквально секундочку, – нарочито вежливо заворчал Санчо, истово гремя ключами.

Эстрелладо поспешил занять позицию под окном, будто разговор его вообще не касался, и слышать оттуда он ничего не мог. Обдумывать услышанное вовсе не хотелось, настолько ватной была сейчас голова. Наверное, он действительно устроен так, что не может жить без того, чтоб каждую ночь смотреть на звёзды, а полумесячное существование среди холодного камня даже без солнечного света сломало его настолько, что всякий интерес к жизни начал быстро угасать. Последние два дня после визита Великого Инквизитора он и вовсе пролежал пластом, почти не шевелясь, и это уже было трудно списать на незаживающие раны, полученные сразу после ареста. Предстоящий визит инфанты вызывал внутри только расте-

рянность от неспособности толком воспринимать реальность – и, как ни странно, ни одной, самой заваливающей эмоции не трепыхнулось в груди. А ведь, следуя банальной логике, как раз множество и разнообразие эмоций должны были мгновенно вспыхнуть и даже передрались между собой, это мозг понимал вполне ясно. Значит, что-то сломалось в душе, наверное, уже непоправимо, жаль...

Дверь наконец перестала нутужно скрипеть и смачно захлопнулась, пропустив гостью. Её Высочество была ослепительна в нежно-белом перламутровом дневном туалете, и её присутствие наполнило камеру как будто лунным сиянием в летнюю ночь на берегу моря. Она остановилась посреди помещения, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку, и царственным жестом поправила причёску. Будь Эстрелладо более опытным в альковных делах мужчиной, он бы уже по достоинству оценил этот жест и даже воспользовался этим приглашением, чтоб подойти самому и с поклоном поцеловать что подставят под губы... Но тупая нудная боль от ран и придавившее его равнодушие к жизни сделали своё чёрное дело – шевелиться ему страшно не хотелось, и намёк не возымел вовсе никакого действия, что немало покорило принцессу, ничего не знавшую о ранах и пытках, да и знать особо не желавшую до нынешнего дня. Он сидел, закутавшись в плащ Великого Инквизитора, потому что очень страдал также от холода, и следы от побоев и пыток не были видны, а голова, чуть склонённая на грудь, прятала от свежего взгляда также покусанные губы.

– Я действительно тебе столь противна, что ты даже не хочешь поздороваться? – с вызовом произнесла гостья. – Или ты настолько плох, что не узнаёшь меня? – она приблизилась почти вплотную, поскольку близорукие глаза не оправдали её ожиданий разглядеть всё как следует.

– Простите меня, Ваше Высочество, я просто не в лучшем виде, чтоб вести себя как следует, – вежливо произнёс Эстрелладо отчего-то сильно ослабевшим голосом. – Я рад, что Вы столь великолепно выглядите.

– Вести себя как следует ты никогда не умел, – металлическим тембром отозвалась инфанта. – Отсюда и все проблемы с тобой.

– Да, я понял, – он на мгновение слабо улыбнулся, но лучше бы и не старался вовсе...

– Разве ты способен что-либо понимать? – рассердившись, вспыхнула гостья. – В таком случае я жду объяснений – что тебя подвигло устроить скандал, из-за которого ты здесь?

– Я сорвался, – тихо сказал он прежним тоном. – Только и всего.

– Это следует понимать так, что ты сожалешь о произошедшем? – с интересом осведомилась принцесса – ей показалось, что сейчас она будет выслушивать мольбы о пощаде, и с удовольствием приосанилась.

– Нет, сожалеть бессмысленно, – спокойно ответил он без всякого выражения. – Этим вряд ли что-то поправится или изменится.

– Ну и наглец, – по-прежнему с интересом произнесла она, но уже с гневными интонациями. – Так значит, ты продолжаешь упрячиться?

Эстрелладо стоило больших трудов отрицательно замотать головой, и он расстроился, заметив, что теряет силы – он полагал, что их вполне достаточно для всякого разговора...

– Мне жаль, что я обидел Вас, Ваше Высочество, поверьте, – постарался проговорить он как можно более внятно. – Но я уже ничего не могу изменить. Если можете, простите меня.

– И это всё? – с немалым удивлением и апломбом повелительницы пожала плечами инфанта. – Ты больше ничего не хочешь сказать разве?

– Я ведь не знаю, что Вы хотите услышать, – он сказал это без всякого выражения, но она отчего-то услышала в этом усмешку.

– За что ты меня так ненавидишь?! – она начала частить, как рассерженная кокетка. – Что я тебе сделала такого, что ты так полон злобы, а? – она с чувством резко уложила обе руки на талию и почти нависла над ним, так что её наполовину открытая грудь заметно вздымалась

над его лицом, а боа почти не прикрывало её. – Ты только и делаешь, что постоянно унижаешь меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.